

Евгений Голубовский, Евгений Деменок

Экслибрисы Давида Беккера

В этом году Одесса простилась с замечательным художником, одним из известнейших офортистов Европы Давидом Юльевичем Беккером.

Всемирный клуб одесситов не раз устраивал его выставки, я писал предисловия к его каталогам. Давид Беккер был человеком непубличным. Статьи не писал. Не выступал в печати. И тем не менее мне и Евгению Деменку удалось уговорить его однажды дать большое интервью для третьего тома «Смутной алчбы».

Прощаясь с мастером, мы хотим напомнить нашему читателю и его работы, и взгляды на искусство.

Евгений Голубовский

– Какие события в культурной жизни в том году: в театре, в музыке, в литературе, в изобразительном искусстве вы восприняли как значимые для вас?

– Так сразу и не вспомню.

– Одесса меняется, как любой город. Что в этих переменах за последние годы больше всего огорчило, а что порадовало?

– Одни сплошные огорчения. Вот сегодня я шел мимо этой несчастной Греческой площади. С левой стороны, с Александровского, – огромные совершенно кошмарные атланты, у меня аж мурашки по коже. Для кого это сделано в центре города? Потом достраивается там гостиница, где был «Золотой ключик», – тоже, сверху Шехерезада какая-то, ну нелепость. Я люблю вот эти – до четырех этажей, не выше, тембр должен сохраняться. Это меня

больше всего огорчает. А порадовало... На 16-й станции сделали бульвар. По телевидению смотрелся хорошо. Это интересно. И спасибо, конечно, за это.

– Мы говорим о мастерах одесской художественной школы как о художниках, скульпторах. Но они были и людьми, порой с неоднозначными поступками. О ком бы вам хотелось рассказать, напомнить нашим читателям? О ком как о личности из тех, кого уже, может быть, нет среди нас, из одесских художников?

– Я не удивлю – это моя учительница Фрумина Дина Михайловна. Вот я только сейчас начинаю понимать, какой это был человек. Она большое влияние на меня оказала. Притом не прямо, а косвенно. Я даже не видел ее живописи в свое время, вначале. Я был поражен, когда увидел ее выставки персональные не так давно. Мне везло. Когда-то Юрий Егоров, может быть, он человек очень сложный, серьезный. Я считаю, что номер один из тех, кто уже ушел. Но, к сожалению, я не тот человек, с которым дружат, – как-то не умел выпить вовремя, что-то рассказать.

Общался только с Ацманчуком – он меня подготовил к училу. Очень суровый человек. И потом он меня долгие годы не признавал. Я воспринимал его как большого мастера. Это сейчас говорят – гений, а просто огромный мастер. Фрейд Александр Борисович – вот это душа-человек, он как-то меня воспринимал. Я старался не влазить ни в какие группы. Не входить в компании. А с современными я, к сожалению, сейчас не общаюсь. То есть старые мастера – это когорта, которая ушла.

– Расскажите немного о своем становлении как художника. Что стало первым импульсом? Кого вы можете назвать своим учителем? Влияли ли на вас ученики?

– Ну, об учителях я уже так упомянул. Они каждый со своей стороны оказали даже не прямое, а косвенное влияние. Как-то странно, у меня были увлечения в юности. Я увлекся Прибалтикой. Могу своими заочными учителями считать Эвальда

Окаса, эстонских графиков. Я увлекся графикой после перехода из живописи. Некоторые польские художники. То есть какое-то западное влияние. Сейчас я смотрю, что, наверное, напрасно это было. Сейчас мне нравятся те же Альбин Гавдзинский, Владимир Литвиненко. К сожалению, я только сейчас узнал их живопись. Прекрасные они мастера и как-то радуют душу. Они немножечко выпадают из нынешнего, из всех этих направлений. Хочется радовать глаз, а не тревожить душу, как сейчас.

– А из соучеников по училищу?

– Адольф Лоза, с которым у меня были очень сложные отношения. Но мастер большой. И опять же, я его оценил уже где-то потом. А вот непосредственно так, чтобы ко мне кто-то подошел и показал: вот нужно так делать, нужно иначе – не было такого. В Харькове два-три человека, учителя были, они тоже по-своему оказывали влияние. Из учеников – у меня

сейчас есть ученик, которому я приятно завидую. Как-то по-доброму. Мы с ним поддерживаем отношения. Он живет в Виннице, Сергей Керницкий. Но он идет в моем русле, он у меня учился печатать, технологию, технику. И даже цвет, я смотрю. Многие заказчики мне говорят: «Видели ваши работы». Я говорю: «Нет, это моего ученика». И они ему, конечно, заказывают уже. Это очень приятно. Есть у меня хороший ученик, который со мной сейчас работает. Это Орос Ваня. Вот он надежный, он такой удивительно скромный человек. Он никогда мне не подражал, он сам все хотел по-своему делать. И мы с ним сотрудничаем до сих пор.

– Когда к вам пришел впервые успех – что вы ощутили тогда? И как вы относитесь к успеху сейчас?

– В 70 году, когда меня приняли в Союз, за год до этого у меня в Москве работы были на всесоюзных выставках, «Комсомольская правда» напечатала, журналы в Киеве – украинская тематика. И я был, конечно, в таком восторге, и когда приняли меня в члены Союза – я даже не ожидал. Поступить было очень сложно тогда. Как раз тогда Адольфа Лозу приняли. Он уже давно участвовал в выставках, а у меня где-то за два года. Ну, повезло мне.

– Оценили вашу живопись?

– Нет, живопись была до 75-го, а я графикой участвовал на всесоюзных выставках. В Киев я давал живопись вот такого типа, как эти несколько картинок.

– Западноукраинская тематика.

– Да, вот такого плана. У меня была целая серия. Кстати, неплохо получилось. Я жалею, что их купили. Но это не успех, это так. Я всегда сдержанно относился. Приятно было, когда я занялся графикой и попал в Европу, как говорится. У нас же все было перекрыто. И только начали меня признавать, и получил первые награды там, хорошие награды. И был, конечно, восторг. Но это две минуты. А потом я почувствовал, что можно идти дальше. А сейчас я совершенно спокойно отношусь

и участвую в этих выставках не ради наград. Понимаю, что я уже не в числе первых. Сейчас уже молодые, их поощряют. Просто приятно участвовать.

– Я понимаю, что вы были и есть в энциклопедиях экслибриса...

– Ну там достаточно уже. Сейчас вышла новая энциклопедия. Я бы хотел показать. Это было приятно. Но опять же, это англичанин написал. Он мне задал вопросы, я тоже ответил, и сделали опус большой, очень большой. Хорошая бумага, хороший цвет. Португалец издал. Он мне еще несколько томов выслал, а я ему выслал несколько работ. Это было приятно.

– А неудачи? Ощущаете ли вы их сами, или верите критикам, друзьям, говорящим, что работа не получилась?

– Конечно. Я вообще самоед такой. Я всегда неуверен. Первый ценитель – это моя жена. Молчит – значит, ей не нравится. А вот когда понравится – «Дай на выставку». Я дал – получил первую премию. Я же не общаюсь, особенно никому так не показываю. Я очень болезненно воспринимаю критику, потому что я сам себя критикую. Кто у нас любит критику? Это вот Александр Борисович Фрейдин да еще Островский Осик. Он критиковал, но с ним было приятно. Он так деликатно мне, я помню, критикнул одну картину... Ее здесь нет? А, вот эту. Он говорил: «Ручку надо нарисовать. Все хорошо...». Это было начало, очень деликатно. Егоров деликатно тоже. Я понимаю, что это его не волнует, и он так сказал: «Ну на молодежную ее возьмут». Так что с критикой дело сложное. Я сам обижаюсь, а потом смотрю, что люди правы.

– Соцреализм большей частью состоял из заказных вещей. А как вы сейчас относитесь к заказу? Умеете ли превратить его в творческую работу?

– Поскольку я в основном работаю в графике, – это заказы. 90% – это заказы. Несколько процентов я делаю на подарок кому-то к юбилею. Это не заказ, но хочется удовлетворить заказчика и, естественно, подстраиваться. Последнее время заказчики

стали требовательнее. Ну, они уже воспитаны на хороших работах, и требуют эскиз, критикуют, по несколько раз возвращают, я обижаюсь, переделываю. Ну что делать? Заказ есть заказ. Стараюсь, чтоб был определенный уровень. Конечно, в своем ключе решаю предложенную тему.

- Но вы все равно воспринимаете это как творческую работу?

- Да, безусловно. Потому что потом я даю те же вещи на выставки. Абсолютно все. Заказные, не заказные... Я сделаю для себя десяток работ, 4-5 посылаю на конкурсы, выставки. Проходят - проходят. Но в основном берут часто. Имя уже работает.

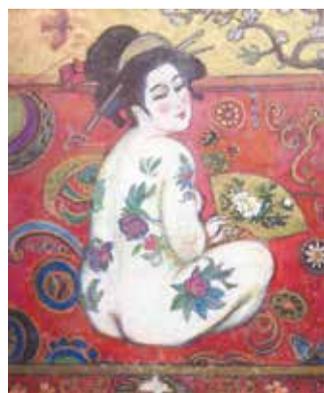
- Дмитрий Кедрин, хороший поэт, однажды написал: «У поэтов есть такой обычай - в круг сойдясь, оплевывать друг друга». А у художников? Дружба среди художников явление редкое или распространенное?

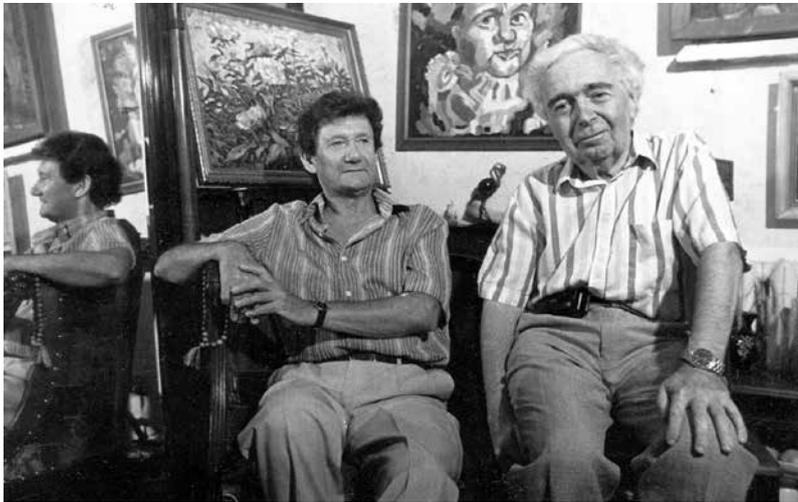
- Мне не везло в этом смысле. Я же говорю: я один, стараюсь ни с кем не общаться. Я думаю, что да. И оплевывают, и критикуют. Не знаю, может быть, даже те, с кем пьешь. Они тебя хвалят, а потом за твоей спиной хулят. Ну, определенная зависть... Очень сложно бороться с этим, признать, что этот человек лучше. Я пытаюсь в себе выработать это.

- Кстати о зависти. Юрий Олеша лучший свой роман назвал «Зависть». Многие считают, что зависть была, а может быть, и остается побудительной причиной взаимоотношений. Испытывали ли вы когда-нибудь зависть? В связи с чем?

- Ну конечно. Я ж говорю, я стараюсь сейчас бороться с этим чувством и быть выше этого. Может быть, я поэтому скрываюсь, не выхожу, даже на выставки не хожу, потому что когда я вижу хорошую работу, я завидую, но по-хорошему, опять же. Единственное, что меня раздражает, если откровенно слабые работы - пиар, пропагандируют. Конечно, плевать хочется. Это не зависть, а отвращение к этому. Для меня зависть это побудительный толчок, для того чтобы сделать хорошо или лучше даже, переплюнуть своего конкурента.

Давид Беккер и Евгений Голубовский

– Вопрос Константина Симонова: «Если б Бог вас своим могуществом после смерти отправил в рай, что бы взяли вы из имущества, если скажет он: выбирай?».

– У меня вообще какое-то безразличие, мне ничего не нужно. Я не представляю себе.

– После операции на сердце?

– Да. Нужно радоваться жизни. Научись радоваться сегодня, потому что завтра может не быть. Мне ничего не нужно. Я знаю, что после меня что-то останется. Поэтому я как бы спокоен. На этот вопрос я ответить не могу.

– Извините за детский вопрос. А зачем вы занимаетесь искусством?

– Иначе я жить просто не могу. Это мое... Это привычка с трех лет где-то. Когда мне сказали: «Ты будешь художником», – я это принял всерьез. В детстве маме сказали, она меня поддерживала.

– А почему сказали?

– Я что-то рисовал, как все дети, – самолетики там, войну – это был 43-й год. «Ваш сын будет художником», – какая-то тетя сказала. И я продолжил рисовать. Видно, была какая-то потребность. А сейчас, если я не работаю, я болею. И наоборот, если я работаю, мне становится легче, уходят какие-то проблемы. Все это снятие стресса. Конечно, когда не получается, это тоже стресс, но... Это моя жизнь, можно так сказать.

– С какими пятью одесскими художниками вы согласились бы представлять Одессу в Нью-Йорке?

– В Нью-Йорке?

– Пять художников нашего города. Вот вы уже называли Егорова, называли Фрейдина...

– Нет. С ними бы я хотел, но я не претендую. Я не дорос до этого уровня живописцев, поэтому я никак не могу войти в эту пятерку. Представлять... Вообще, я люблю сам делать свои выставки. Может быть, из-за того, что конкуренция, и я чувствую, что мои хуже работы, чем моих даже учеников. Вот такое ощущение. А из графиков... Ну есть, я участвую с ними все время. Но в Одессе графиков таких нет. Один из моих учеников, но он мне не нравится, я бы не хотел с ним участвовать. Он достиг успехов, популярности...

– В Одессе есть графики – это Сыров, Гармидер...

– Да, Гармидер, я забыл, и Верещагин. Поникаров, ну, из таких уже, маститых акварелистов... Молодых я не знаю, поэтому я не могу ничего предложить. Ну да, я забыл, ребята... Верещагин вообще гениальный парень, такой просто, уровень великолепный.

– Верещагин – блестящий. Может быть, медленно работает, он делает в год два-три листа, но очень высокого качества.

– Верещагин, пожалуй, самый такой известный одесский график.

– Что нужно, для того чтобы одесская художественная традиция не прерывалась?

– Я, например, стараюсь продолжать эти традиции. В живописи в той же вспоминаю Литвиненко, Гавдзинского... Если пейзажи – то в такой, знаете, южно-русской традиции. Есть же и молодые художники, я не могу сказать сейчас, кто, которые работают в этой традиции, я смотрю на их работы – есть программа по телевидению, «Галерея» на «Арте», там часто бывают передачи с выставок, и очень приличные ребята.

– Был придуман конкурс на медаль имени Костанди. Есть ли смысл поддержать это?

– Я думаю, важнее приобретать работы молодых художников. И не приобретать лишь бы что, хоть они и современные, а просто пустышки. Государство, приобретая в год четыре-пять картин молодых художников, могло бы поддержать хорошую традиционно одесскую живопись.

– Художественный рынок переполнен подделками. Подделывали ли ваши работы? Подделывали ли вы чьи-нибудь работы когда-нибудь? И вообще, радоваться нужно или огорчаться тому, что существует индустрия подделок?

– Если тебя подделывают, надо радоваться. Это значит, нравится и имеет какой-то определенный успех. Я вот так напрямую не подделывал и не выдавал за чью-то, но я учился непосредственно, у меня очень широкий спектр, я перечислять не буду, начиная с Возрождения и заканчивая началом XX века. Художники – и французы, и русская школа. Если мне нравилось, я хотел в таком ключе сделать. Но опять же, я писал с натуры, я не брал репродукцию, точно копируя, я так понимаю, это прямой плагиат. Если Пикассо брал композиции, я их видел, несколько работ, думаю, что-то очень знакомое, бегущие девушки, – Пуссена. Можно ли назвать это подделкой – не знаю.

– Нет, конечно.

– Дали упрекал Пикассо в том, что он ни одной работы не сделал от себя, а брал работу и перефразировал своим языком.

Но таков был метод его работы. Это не подделки, а новое осмысление темы.

– Существует ли для вас проблема «художник и власть»? Ищете ли вы благосклонности власти? Или презираете ее?

– Такой больной вопрос. Безусловно, это приятно, когда тебя поддерживает власть, то есть помогает, приобретает работы, помогает делать выставки, то есть благосклонно смотрит. Но у меня с властью очень сложные отношения, и когда мне приходилось долгие годы делать заказные для власти работы, я начал заниматься экслибрисом, где я чувствовал себя свободным, делал для себя: что хочу, то и делаю. Как бы двоякое отношение. То есть я властью не обласкан, но и очень не наказан. Не было такого, чтобы меня не пускали на выставки, или резкая критика, или что-то такое. Это приятно, если тебя уважают. Но заигрывать – я же говорю, я прошел этот период. Сейчас я для власти ничего не делаю.

– Картину Репина на выставке пырнули ножом, картину Рембрандта облили кислотой. Какие эмоции по поводу ваших работ проявляли зрители на выставках?

– Я не сравниваю себя с мастерами. Негодование – и только. Кстати, мою работу, которую, я знаю, повредили, мою дипломную работу повесили в общежитии, где мы жили, в Харькове. И потом мне сообщила одна знакомая, младше курсом, что сигареты об нее гасили. Протыкали... Я думаю, жалко, что ума не хватило выкупить работу и ее увезти. Лоза ведь забрал свои работы дипломные – и сразу повез в Киев. Но я был легкомысленный такой. Конечно, это варварство. Нельзя вообще неуважительно относиться к творчеству. Я видел, как работы после смерти выбрасывали на улицу – вот куча лежит, а потом на мусорник, видно, вывезли. Был такой художник, я забыл его фамилию... Он хромой был, ветеран. Гармидер потом получил его мастерскую. Он такой слабый художник был, конечно, но все равно это ужасно. Сейчас бы эти картины купили, потому что это 50-е годы. Он умер – выкинули его работы. Ну это были 70-80-е годы.

– Предпочитаете ли вы сами продавать свои работы собирателям, или радуетесь, когда за вас делает это арт-дилер?

– И то, и другое. Я предпочитаю, чтобы пришли в мастерскую и у меня купили, это самое приятное. Но я не против, если на мне заработают. Меня чей-то заработок не волнует. Я знаю, многие скупают гравюры и продают в Штатах. Но это меня не беспокоит.

– Считаете ли вы стрит-арт, боди-арт, перформанс столь же важными, как и станковую живопись?

– Поскольку меня не интересуют эти направления... Так, как шоу. Это как шоу. Тот же боди-арт. Я видел интересные кадры одного австрийского мастера, который рисовал по телу. Интересно. Но картина, которая останется на долгие годы, – это, конечно, настоящее. Меня не интересуют эти направления.

– Поэта всегда окружают музы. Кто и что вдохновляет художника?

– Меня вдохновляют женщины. Женщины, цветы и море. То, чем я занимаюсь.

– Почему на биеннале в Венецию Украина послала одесситку Оксану Мась, а не вас? И что бы вы предложили показать на биеннале?

– Это, конечно, провокационный вопрос. Я не претендую на биеннале в Венеции. И вообще, биеннале в Венеции – это тоже шоу, и меня оно абсолютно не интересует. Я был на биеннале в Кельне в 71-м году, где выступали художники с протестами против традиционного искусства. Мы зашли на это биеннале – там лежали бревна, какашки пластмассовые, прочая гадость. И две картины всего приличные были в стиле гиперреализма. Он тогда был в моде, и прилично сделано, хотя бы ремесло какое-то было. А Оксана Мась – красивая женщина, но ее творчество меня раздражает. То, что она делает, – это тоже шоу. Артистка. Запретить это нельзя. Это когда-то уйдет срок – новое будет. Но я надеюсь, что вернется

все-таки на другом этапе классическое искусство. Оно уже потихоньку так завоевывает сердца коллекционеров. А вот эти все вещи – это финансы, это деньги. Эти, как их называют, дилеры, менеджеры – они диктуют. Так что биеннале и я несовместимы. Я бы в этом шоу никогда не участвовал.

